

ВЗГЛЯД. РАЗМЫШЛЕНИЯ. ТОЧКА ЗРЕНИЯ

УДК 340.1+321

Иван Владимирович ЛЕКСИН,

заведующий кафедрой правовых основ управления
факультета государственного управления
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова,
доктор юридических наук, доцент

leksin@spa.msu.ru

ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ: ЮРИДИЧЕСКАЯ, ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ, РЕЛИГИОЗНАЯ СОСТАВЛЯЮЩИЕ

STATEHOOD: LEGAL, IDEOLOGICAL AND RELIGIOUS COMPONENTS

Статья посвящена ряду проблемных вопросов концептуализации государственности. Рассмотрено использование слова «государственность» в юридической практике и в правоведении, показано отсутствие необходимости в его точных дефинициях. Уделено внимание идеологической основе государственности, обосновано наличие идеологии у любого современного государства независимо от законодательных запретов. Предложено толкование ч. 2 ст. 13 Конституции РФ, совместимое с существованием государственной идеологии. Показана важность понимания современного государства как религиозного явления, требующего соответствующих защитных механизмов.

The article is devoted to a number of problematic issues of conceptualizing the statehood. The author considers the use of the word «statehood» in legal practice and in jurisprudence and shows irrelevance of its precise definitions. Attention is paid to the ideological basis of statehood, and the existence of ideology in any modern state, regardless of legislative prohibitions, is justified. An interpretation of Part 2 of Article 13 of the Constitution of the Russian Federation is proposed that is compatible with the existence of state ideology. The article also shows the importance of understanding the modern state as a religious phenomenon that requires appropriate protective mechanisms.

Ключевые слова: государственность, государство, юриспруденция, идеология, религия.

Keywords: statehood, state, jurisprudence, ideology, religion.

Правоведы пользуются существительным «государственность» с конца XIX в. В предреволюционной юриспруденции это использование носило эпизодический характер [18, с. 410], не достигая масштабов, указывающих на доктринальную значимость данного слова. В советский период импульс к

его употреблению в юридической литературе был придан национально-государственным строительством (в качестве форм национальной государственности рассматривались не только союзные республики в составе СССР, но и АССР, а также автономные области и автономные округа).

При этом на уровень союзных и республиканских конституционных актов слово «государственность» не поднималось, а в официальных документах более низкого уровня встречалось нерегулярно¹. В современном федеральном законодательстве государственность упоминается с более высокой частотой, но преимущественно в подзаконных актах. В Конституции РФ 1993 г. данное слово было задействовано лишь в тексте преамбулы, а в общегосударственных законах чаще говорилось о государственности народов и других этнических общностей², чем о российской государственности³. Довольно широко распространено упоминание о государственности в конституционных актах республик в составе Российской Федерации (применительно к их государственности⁴). В начале постсоветского периода указание на государственность можно было встретить даже в контексте муниципальной символики. Так, в разделе 3 Положения о гербе города Владимира (приложение 1 к Уставу города Владимира 1996 г.) было сказано, что данный герб «является символом государственности»⁵.

Как бы то ни было, в современной России, как и в советской, положения нормативных документов, буквально касающиеся «государственности», совсем не носят системного характера. Однако данное обстоятельство вряд ли следует рассматривать в качестве проблемы: государственность не представляет собой ни конкретное явление, ни совокупность однородных обстоятельств, которые требовали бы регламентации при помощи юридических средств (посредством управомочивания, позитивного обязывания, запрещения и пр.).

В академической же юриспруденции в последние десятилетия слову «государственность» уделяется повышенное (в сравнении как с недавним, так и с давним прошлым) внимание как к научной категории. Это вызывает некоторые сомнения.

Во-первых, это слово порождено политической публицистикой [1] и никогда не было востребовано наукой как термин в строгом смысле (т.е. как обозначение точно определенного понятия). Это не исключает высокой утилитарности данного существительного и

1 См., в частности: О ликвидации неграмотности среди взрослого населения Российской Социалистической Федеративной Советской Республики : постановление XI Всероссийского Съезда Советов от 29.01.1924 // СУ РСФСР. 1924. N 27. Ст. 259; О перестройке работы судебных органов и органов юстиции на военный лад : приказ Народного комиссариата юстиции СССР от 29.06.1941 N 106 // Законодательные и административно-правовые акты военного времени. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1942; О подготовке и издании Свода законов СССР : постановление ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета министров СССР от 02.09.1976 N 716 // ВВС СССР. 1976. N 37. Ст. 515; О неотложных мерах по урегулированию проблем советских немцев на территории РСФСР : постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 22.04.1991 // ВСНД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. N 17. Ст. 525.

2 См.: Об образовании : Закон РФ от 10.07.1992 N 3266-1, п. 7 ст. 6 // ВСНД и ВС РФ. 1992. N 30. Ст. 1797; Основы законодательства Российской Федерации о культуре, ст. 2 // ВСНД и ВС РФ. 1992. N 46. Ст. 2615; О строительстве столицы Ингушской Республики : Федеральный закон от 28.12.1995 N 217-ФЗ, ст. 1 // СЗ РФ. 1996. N 1. Ст. 10.

3 См.: Об учреждении медали «Защитнику свободной России» : Закон РФ от 02.07.1992 N 3183-1, п. 2 Положения // ВСНД и ВС РФ. 1992. N 32. Ст. 1865; О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом : Федеральный закон от 24.05.1999 N 99-ФЗ, преамбула // СЗ РФ. 1999. N 22. Ст. 2670.

4 См.: преамбулы Конституции Республики Карелия 1978 г. в ред. 2001 г., Степного Уложения (Конституции) Республики Калмыкия 1994 г., Конституции Республики Коми 1994 г., Конституции (Основного закона) Республики Саха (Якутия) 1992 г. в ред. 2001 г., ч. 1 ст. 3 и ст. 107 Конституции Республики Бурятия 1994 г., ст. 94 Конституции Республики Дагестан 1994 г., преамбулу и ст. 106 Конституции Республики Ингушетия 1994 г. 2 ст. 82 Конституции Республики Северная Осетия-Алания 1994 г., преамбулу и ст. 3 Конституции Удмуртской Республики 1994 г., преамбулу и ст. 4 Конституции (Основного Закона) Республики Алтай 1997 г., п. «е» ст. 66 и ч. 1 ст. 75 Конституции (Основного Закона) Кабардино-Балкарской Республики 1978 г. в ред. 1994 г., ч. 3 ст. 5 и ч. 1 ст. 80 Конституции Кабардино-Балкарской Республики 1997 г., преамбулу и ст. 114 Конституции (Основного закона) Республики Тыва 1993 г. в ред. 2000 г., ст. 1, 85 и 119 Конституции Республики Башкортостан 1993 г. в ред. 2002 г., ч. 1 ст. 1, п. 1 ч. 1 ст. 94 и ч. 1 ст. 121 Конституции Республики Татарстан 1992 г. в ред. 2023 г.

5 Молва. 25.06.1996. N 74.

оправданности его широкого использования в различных отраслях научного знания, включая юриспруденцию, но в качестве максимально емкой характеристики всего спектра явлений, связанных с государством, а не ясно определенной научной категории. В литературе неоднократно высказывалась идея о необходимости «четкой формулировки понятия государственности» [5, с. 20] или «его единого понимания» [21, с. 12], однако достижимость этого крайне маловероятна. Еще более пятидесяти лет назад констатировалось, что слово «государственность» употребляется «в политической литературе» в четырех значениях¹. С учетом же производности содержания соответствующего понятия от смысла, вкладываемого в слово «государство» [подр.: 9, с. 207-222], это количество возрастает до десятков. Свести понимание государственности к одному значению – значит либо отсечь большинство из смыслов, в котором соответствующее слово уже давно привычно используется, либо определить понятие государственности настолько абстрактным образом, что это обесмыслит такое определение. Не удивительно, что авторы, берущиеся за данную задачу, нередко приходят к дефинициям, которые либо перегружены признаками², либо мало что проясняют. Так, вряд ли можно с уверенностью утверждать, что является понятным описание государственности как «системы», состоящей из «начал», которые являются «основополагающими», позволяют идентифицировать государственно-организованное общество и «обуславливают» воспроизводство этого общества [21, с. 136] (особенно нуждается в пояснениях роль абстрактных начал в обусловливании воспроизводства общества).

Как представляется, ценность слова «государственность» заключается именно в широте, многозначности и безграничности (отсутствии ясных границ). Данное слово обозначает не категорию явлений и не совокупность близких по характеру явлений (что

требуется для формулирования дефиниции в привычном для современной науки смысле), а множество различных по природе, характеру, значимости обстоятельств (как явлений, так и процессов, их свойств и состояний), связанных с формированием и бытием государства (в любом из его пониманий). Использование этого существительного для обозначения всего этого множества без точного определения допустимо и оправданно (так же, как для использования, например, слов «духовность» или «рациональность» не обязательно давать им академические определения в традиционном формате указания на родовое понятие и видовые признаки). Достаточно лишь объяснить в произвольной форме, что автор имеет в виду в своем тексте.

Во-вторых, хотя слово «государственность» заслужено используется юриспруденцией, как и другими общественными дисциплинами, в категориальный ряд юридической науки понятие государственности (вернее, те различные понятия, для обозначения которых используется названное слово) не вписывается. Чтобы определить место понятия в этом ряду, нужно соотнести его с каким-либо из других основных понятий юриспруденции [7, с. 166]. Но государственность невозможно определить ни через норму или источник права, ни через субъективное право или юридическую обязанность, ни через субъекта права или объект правоотношения, ни через само правоотношение или юридический факт. Поэтому приходится констатировать, что слово «государственность» более полезно за рамками юридической составляющей государственноведения (в политологии, политической социологии, политической философии, политической истории). В правоведении же данное существительное пригодно прежде всего для изложения представлений, заимствованных из названных дисциплин, либо для характеристики протогосударственных образований (в отношении них можно говорить о «чертах государственности», близким

1 Большая советская энциклопедия. 3-е изд. Т. 7. М.: Советская энциклопедия, 1972. С. 162.

2 Например: «системообразующая политико-правовая категория, отражающая качественное состояние государства и общества, взятое в их единстве, характеризующееся исторической преемственностью и постоянством базовых институтов (или констант, институциональных матриц, традиций, сверхценностей), связанных с национальной самобытностью и обеспечивающих ее воспроизводство в различные исторические периоды» [20, с. 46].

к свойствам государства, но не достаточных для квалификации данных образований как государств), для обобщенного указания на государства и государствовподобные образования, обладающие отдельными чертами государственности, и т.п.

Соответственно, в-третьих, сложно разделить сожаление авторов по поводу недостаточной разработанности категории «государственность» в современной теоретико-правовой науке [19, с. 42]. Понятие государственности никогда не было сопоставимым по значимости с понятием о государстве и лишь объявлялось отдельными авторами «базовым», «важным» или имеющим «основополагающее значение» [16, с. 32; 21, с. 135; 26, с. 9]. Поскольку «государственность» – это собирательный (синтетический) образ, саму соответствующую категорию вообще не требуется «разрабатывать». Разработке (по крайней мере, методами юридической науки) подлежат те базовые юридические категории, обобщением по отношению к которым служит слово «государственность».

Посредством упора же на саму категорию «государственность» проблематично получить некое качественно новое знание. Так, А.С. Смыкалин полагает «целесообразным выделить следующие признаки государственности: *динамизм* (постоянное изменение государственности в ходе исторического развития); *конкретность* (указывает на то, что в реальности государственность – явление определенное, существующее в конкретном обществе, цивилизации); *системность* (в ней отражаются структурный состав и внутреннее строение государственности); *целостность* (придает государственности единство и позволяет говорить о ней как о гармоничном явлении)» [22, с. 13]. Такого рода рассуждения в действительности вряд ли соотносятся с какой-либо исследовательской целью. Скорее, они носят схоластический характер. Было бы преувеличением заявить, например, что подобная углубленная разработка таких категорий как «математика», «алгебра», «геометрия», «тригонометрия», «физика», «химия», «биология», «история», «политика» и пр. способствовала бы исследовательским прорывам

вам в соответствующих областях. Поэтому сложно согласиться и с тем, что комплексный «подход к пониманию государственности позволяет всесторонне и полно рассмотреть этапы ее исторического развития, выявить институциональную устойчивость важнейших процессов и закономерностей, прогнозировать динамику и тенденции ее дальнейшего движения, а в целом разработать единую теорию российской государственности» [5, с. 23]. Наличие того или иного подхода к пониманию государственности само по себе никак не способствует научной деятельности, а отсутствие такового – вряд ли препятствует. Общественные науки благополучно существовали столетиями, в большинстве случаев обходясь без слова «государственность». Кроме того, российская государственность – это хотя и собирательный, но единичный объект, тогда как теория согласно принятому пониманию предполагает абстрагирование от конкретики (в данном случае – от национальной).

Однако сказанное по поводу понятия государственности и ее дефинициях не означает, что юристам желательно дистанцироваться от рассуждений о государственности (как о составляющей социальной действительности) вообще и о российской государственности в частности. Более того, в современных условиях государство (и, соответственно, государственность) – это явление (совокупность явлений, процессов и пр.), имеющее (имеющие) прежде всего правовую природу. Множество проблем, относящихся к государственности, закономерно требует именно юридического осмысления. Правосубъектность государства, его суверенитет, права и обязанности, распределение предметов ведения между уровнями публичной власти, порядок формирования и компетенция органов, порядок принятия решений и многое другое – это, очевидно, в первую очередь вопросы юриспруденции (либо вопросы междисциплинарные, но не поддающиеся грамотному решению без участия представителей юридической профессии).

Обсуждение категории «государственность» заметно активизировалось в связи с

введением в высших учебных заведениях дисциплины «Основы российской государственности». Обращает на себя внимание, что типовая структура данного курса нацелена на изложение материала по сравнительно конкретным проблемно-тематическим блокам и прямо не предполагает теоретизирования по поводу содержания категорий «государственность» и «российская государственность», что с учетом сказанного выше представляется методологически верным. В большинстве выпущенных на данный момент учебных пособий по данному курсу (в том числе и в достаточно объемных [13-15]) авторы обоснованно не берутся за задачу определения государственности вообще или российской государственности в частности, а перечисляют обстоятельства, характеризующие государственность [11, с. 47-48; 12, с. 16-17; 17, с. 23-24]. Данный подход вряд ли заслуживает порицания. Приводимые же в изданиях дефиниции, напротив, могут свидетельствовать о некоторой поспешности при их подготовке. Например, государственность определяется как «форма политической организации общества, характеризующаяся наличием и воспроизведением системы институтов, наделенная легальной, легитимной и публичной властью над любыми другими общественными институтами на определенной территории и обеспечивающая устойчивое развитие общества» [2, с. 84]. Такая дефиниция сомнительна и по конструкции (властью наделяется «форма» организации, хотя, вероятно, по замыслу власть предназначалась самой организации), и по содержанию. Как известно, политическая власть далеко не в любой период имеет легальную основу. Отнюдь не всегда (и даже сегодня – не везде) государственная власть имеет верховенство по отношению к церкви. Да и публичным характером она не обладала в течение многих столетий (условно и огрубленно – в средневековый период) [10, с. 173; 20, с. 6, 29-31; 23, с. 205; 27, с. 349]. Поэтому при буквальном прочтении данного определения государственность оказывается довольно молодым явлением (что явно не подразумевалось авторами). Кроме того, при такой дефиниции государственность неотли-

чима от государства. Правда, и государство в процитированном пособии определено нетривиально – как «система общественных институтов», наделенная (как и государственность согласно предыдущей дефиниции) «легальной, легитимной и публичной верховной властью над любыми другими общественными институтами на определенной территории и обеспечивающая устойчивое», но не «развитие» (как государственность), а «воспроизводство такого верховенства для достижения социально значимых целей» [2, с. 84].

Более проработано (хотя и заужено по сравнению с распространенными в общественных дисциплинах трактовками) определение государственности как «особого признака организации общества, характеризующегося территориальным единством, собственной правовой системой и суверенными политическими институтами» [25, с. 219]. Но такая дефиниция требует чрезвычайно строгого словоупотребления, поскольку в большинстве привычных словосочетаний существительное «государственность» окажется не вполне уместным. Так, выражение «отечественная государственность» буквально придется понимать как «отечественный признак», «тип государственности» – как «тип признака», «формы государственности» – как «формы признака», «символы государственности» [25, с. 19, 53, 62, 130 и др.] – как «символы признака» (да и сами «основы государственности» окажутся «основами признака»). Кроме того, в процитированном пособии суверенитет характеризуется как «признак государственности» [25, с. 295-296], что технически приводит к неказистой конструкции «признак признака».

Однако подобные погрешности в целом не уникальны, а, напротив, распространены в учебной (да и в научной) литературе. В каждом языке речевые конструкции не могут идеально подходить для академических целей, и определение любого понятия проблематично сформулировать на все случаи жизни, не рискуя породить нестыковки аналогичные приведенным выше. Большую озабоченность вызывает другое: для учебных пособий по рассматриваемой дисциплине

типично отсутствие среди авторов представителей юридической науки. Данный подход представляется некорректным как с содержательной, так и с методологической точек зрения: поскольку, как было сказано, современная государственность в основе является правовой, вряд ли кто-то лучше юристов справится с изложением множества ключевых для изучения российской государственности вопросов (о Конституции РФ и иных нормативных основах российской государственности, о государственном суверенитете, о системе государственных и муниципальных органов, их компетенции и порядке их формирования, о законодательном процессе, о территориальной организации публичной власти, о должностных правонарушениях и юридической ответственности за их совершение, о юридической ответственности за посягательства на суверенитет, территориальную целостность и иные обстоятельства, характеризующие государственность).

Отдельную проблему составляет государственная идеология. В структуре курса «Основы российской государственности» о ней не упомянуто (что в целом объяснимо: ч. 2 ст. 13 Конституции РФ указывает на недопустимость установления какой-либо идеологии в качестве государственной), но значимость идеологии требует уделить ей заслуженное место в ряду ключевых основ государственности. Государственность в неполном выражении возможна без идеологического подкрепления, но жизнеспособна (в формате государства) лишь при наличии такового. Государство – интерсубъективная реальность, производная от общественного сознания и социального взаимодействия. Последние (так же как и сами потенциальные носители этого сознания и участники этого взаимодействия), презюмирующие фигуру государства, абсолютно необходимы для его существования¹: «государство существует... через граждан и в них: если бы народ вымер или разбежался,

перейдя в другие государственные союзы, то государство прекратилось бы» [6, с. 127]. Соответственно, именно в общественном сознании и социальной практике проявляется это существование: «вступление государства в область практики и мышления» можно считать состоявшимся не с появлением правителей, армии, полиции, судопроизводства, налогов, а когда «люди начинают обращаться к государству, стремиться к государственной власти, желать ее, отвергать ее, опасаться ее, любить ее, ненавидеть» [24, с. 325].

Присутствие государственной идеи в общественном сознании и социальной практике – важнейшее условие «воспроизводства» государства: в случае выбытия (забывания) этой идеи (прекращения веры в государство) государственные институты исчезают, а законодательство превращается в свод бесполезных текстов. Массовое нежелание населения принимать участие в государственных делах или хотя бы признавать авторитет государства представляет наиболее серьезную угрозу существованию последнего. Это не принижает значение государства как продукта цивилизации и источника ее развития, равно как и компонента повседневной жизни, а возвеличивает значение идейного, психологического, конвенционального основания государства: показательный пример организации социально-политической и хозяйственной жизни в условиях вытеснения идеи государства из общественного сознания и социальной практики представляет европейское средневековье².

Итак, любое государство может проявлять себя в социальной действительности лишь при наличии идейной основы, укоренившейся в общественном сознании. В современных условиях государство – это неизбежно правовое явление, а следовательно, указанная идейная основа не может не получать юридического закрепления и не может не отражаться в правовой составляющей общественного

1 Столь же значимы упомянутые сознание и взаимодействие и для иных социальных институтов и общностей, существование которых видится самим собой разумеющимся, – семьи, народа, местных или профессиональных сообществ.

2 «Феодализм в сущности был упразднением государства, так как он заменял идею старого античного государства, тяготевшего над личностью каждого гражданина, идеею частного договора, заключаемого между слугой и господином, между вассалом и сюзереном» [20, с. 6].

сознания. В современной России отношение к такой идейной основе находится под преобладающим влиянием установок, заложенных в Конституцию РФ 1993 г. Принято считать, что упомянутое положение Конституции РФ эквивалентно запрету установления государственной идеологии вообще. Однако такое понимание неизбежно вступает в конфликт со здравым смыслом.

Во-первых, понимая государственную идеологию как совокупность основополагающих идей, принципов, руководящих правовых нормативов учредительного характера, нельзя не признать, что государство неизбежно обладает идеологической основой.

Во-вторых, конституционные акты и (или) иные источники конституционного значения в любом государстве выполняют функцию выражения государственной идеологии в указанном смысле.

В-третьих, не требующие сегодня специального подтверждения (общепризнанные в настоящее время) идеи государственно-организованного порядка, встроенности в него каждого индивида (через институты гражданства, вида на жительство, временного пребывания и пр.), презумпция действия и действительности государственных решений также составляют идеологическую основу любого государства, включая Российскую Федерацию.

Руководствуясь этой схемой, следует заключить, что Конституция РФ не может отрицать свое же содержание. Следовательно, положение ст. 13 Конституции РФ надлежит понимать с учетом констатации существования государственной идеологии в указанном значении. Это положение, таким образом, должно означать не отрицание очевидного, а запрещение нежелательного. Толкуя рассматриваемое положение с учетом исторического (советского) опыта, от которого стремились откеститься авторы Конституции 1993 г., логично предположить, что оно призвано воспрепятствовать не возрождению государственной идеологии вообще, а лишь

приданию какой бы то ни было узкопартийной идеологии государственного или обязательного характера.

От государственной идеологии в рассмотренном понимании неотделима религия. Государство представляет собой не только юридическое, социальное, политическое, идеологическое явление, но и явление религиозное (или квазирелигиозное). Во-первых, религиозные корни имеет популярная по сей день «волевая теория» государства и государственной власти. В противоположность античным представлениям о полисе и республике (как сообществ множества индивидов, как результата их усилий или как их общего дела) средневековая европейская философия, стремясь объяснить все мироздание высшей волей, распространила иерархическую волевую модель на государство. Последнее в этой интерпретации в итоге стало цельностью, объединяемой властью (волей) правителя [8, с. 67-74].

Во-вторых, государство не без причин характеризуется как «хорошо обоснованная иллюзия, место, которое существует, по сути, именно потому, что его считают существующим. Эта иллюзорная, но коллективно подкрепляемая консенсусом реальность... существует благодаря своим следствиям и благодаря коллективной вере в ее существование» [2, с. 62]. Государство становится социальной, политической и юридической реальностью лишь тогда, когда люди начинают верить в данную абстракцию [30, р. 5], служить ей, подчиняться приписываемым ей велениям и бояться ослушаться ее воли.

Причем религиозной (квазирелигиозной) природой характеризуется, как ни парадоксально на первый взгляд, именно государство современное (поскольку только в Новое время «государством» стали именовать действующую, мыслящую, принимающую решения сущность¹). Средневековое патримониальное «государство» было не государством в современном понимании, а вещью правителя, а античное – общностью граждан или общим

1 Как отмечал П. Бурдье, фразы, «в которых слово «государство» выступает субъектом действий... в которых подлежащим является государство, суть фразы теологические, что не означает, что они ложны, покуда государство является теологической сущностью, то есть той, что существует благодаря вере» [2, с. 63].

делом (ни то, ни другое, ни третье сакрализации не подразумевало). В определенных случаях обожествлялся сам правитель либо освящалось его правление как осуществляемое по высшей воле. Но государство, по меткому выражению Т. Гоббса, само стало Богом [4, с. 133] – незримым существом, которому служат, именем которого казнят и милуют, награждают и присуждают титулы, чины, звания и пр.

В силу религиоподобной природы государства угрозой его существованию является подрыв веры в него. Формированию и поддержанию этой веры традиционно служили изобразительное искусство, литература, летописание и историография, образование, затем также средства массовой информации, а с XX в. – также кинематография и индустрия компьютерных игр. Эти же средства успешно использовались и используются противниками государства. Соответственно, немаловажное значение приобретает защита от «антигосударственных ересей»: без веры в существование государства, его силу, достоинство, добродетельность сохранение и воспроизводство того или иного государства проблематично. Не случайно высшие должностные лица Европейского союза¹ апеллируют к «европейским ценностям», приобретающим значение догматических истин, а в политике наиболее преуспевавшего в последнее столетие государства – США – важное место занимали и продолжают занимать нейтрализация (или дискредитация) культурного наследия (в том числе традиций образования) контролируемых стран, акцентирование и гиперболизация пороков национальных политических, административных, судебных систем с одновременной трансляцией собственного позитивного образа, навязыванием своей версии исторических событий и удобных ценностных приоритетов. Все эти давно известные под разными именами явления (пропаганда, мягкая сила, «фреймворки» общественного сознания), культурная

экспансия и пр.) так или иначе направлены на подрыв веры в атакуемое государство и замещение ее верой в государство, осуществляющее экспансию.

Правда, по оценкам зарубежных социологов, к концу второго тысячелетия «государству не столько служат и восхищаются им, сколько терпят его» [29, р. 414] во все большем числе регионов, включая и западные страны. Однако вряд ли в связи с этим можно уверенно утверждать, что «те дни, когда государство... могло позиционировать себя в качестве божества, определенно прошли» [29, р. 414]. Скорее можно согласиться, что в силу тяги к привычному и подсознательно отождествления сущего с должным люди и сегодня «приходят к убеждению, что поскольку у них есть государства, то они в них нуждаются» [28, с. 16, 55]. Любое верование обладает высокой инерционностью, и даже если в высокообразованном слое общества становятся модными «еретические» идеи, на массовых настроениях это сказывается с пониженной интенсивностью и со значительной задержкой.

Как бы то ни было, отмеченное религиозное отношение к государству раскрывает государственность с любопытного и обычно упускаемого из виду ракурса. Примечательно, что вера в государство и по содержанию, и по форме представляет собой религию «юридическую». Роль догматов выполняют конституционные и иные основополагающие нормативные положения, роль священных текстов – соответствующие нормативные документы, а главными служителями своего рода «культы» государства выступают лица юридических профессий². Именно они являются хранителями и трансляторами знаний о его содержании (о нормах позитивного права) и о надлежащих формах его выражения (о видах юридических документов, иерархии источников права и др.), его толкователями и отправителями «обрядов» (юридических процедур), посредством кото-

1 Хотя официально Европейский союз и не относится к категории государств, но в сравнении со странами-членами его близость к этой категории представляется более выраженной.

2 Под культом в данном случае понимаются не ритуальные торжественные мероприятия и прочая внешняя атрибутика, призванные восхвалять тот или иной политический режим или конкретного правителя [29, р. 202-203], а каждодневная деятельность, ориентирующая на понимание государства как центра правовой действительности.

рых принимаются общие решения и вершатся судьбы конкретных людей. Причем лица, занятые в условно «частном» секторе практической юриспруденции (адвокаты, корпоративные юристы и т.п.) служат этим целям не в меньшей степени, чем судьи, прокуроры или следователи. Любой практикующий юрист пользуется догмой права и вносит вклад в поддержание функционирования и воспроизводство современной модели правовой действительности, в которой государство занимает положение верховного регулятора и вездесущего исполнителя, контролера и судьи. Не менее значима и роль представителей академического сообщества: оно и формирует доктрину государственности, и обеспечивает подготовку новых поколений ее «служителей».

Сказанное позволяет резюмировать следующее.

Во-первых, слово «государственность» – это удобное обобщение для широкого круга обстоятельств социально-политической жизни. Его полезность обуславливается привычностью, предметной емкостью, широтой вызываемых им образов, но не точностью. Соответственно, понятие государственности не требует ни включения в разряд основополагающих научных категорий, ни академического определения, ни легальной дефиниции. Не видится необходимым и определение данного понятия в типичном формате (посредством указания на родовое понятие и видовые признаки) в рамках учебного курса «Основы российской государственности».

Во-вторых, утилитарность слова «государственность» в разных общественных науках не одинакова. В юриспруденции в силу низкой конкретности данного обозначения сферу его оправданного использования сложно признать обширной.

В то же время, в-третьих, в силу правового характера¹ современной государствен-

ности именно правоведам принадлежит (должна принадлежать) ведущая роль как в научном осмыслении множества относящихся к государственности явлений и процессов, так и в преподавании основ российской государственности². Соответственно, непривлечение представителей юриспруденции к подготовке учебных изданий по данной дисциплине представляется непростительным упущением.

В-четвертых, современная государственность немыслима без идеологической основы. Строго говоря, национальное право и есть эта основа (или, по крайней мере, ее ключевая составляющая). Соответственно, формой выражения государственной идеологии неизбежно являются конституционные документы и иные формальные источники национального права. Российская Федерация в этом отношении не является исключением, и, как следствие, положение ч. 2 ст. 13 Конституции РФ о недопустимости установления какой бы то ни было идеологии в качестве государственной или обязательной требует ограничительного толкования.

В-пятых, современное государство имеет религиозное (квазирелигиозное) основание. Государство с этой точки зрения может быть представлено как своего рода божество (не сверхъестественное, но сконструированное), в существование которого верят безусловно (несмотря на его незримость и неосязаемость), которому служат и именем которого принимаются все значимые решения. По отношению к национальной государственности и соответствующей цивилизации эту современную религию, основанную на вере в государство, наряду с государственной идеологией можно рассматривать в качестве необходимого компонента, подлежащего воспроизводству и требующего поддержки и защиты от посягательств.

1 Не в узком смысле подчиненности принципу верховенства права и пр., а в широком смысле фиксации государственности юридическими нормами и встроенности государства в правовую действительность.

2 «Ведущая роль» в данном случае подразумевает не приоритет по объему материала, а признание авторитета позиции юристов в толковании и изложении официально закрепленной конструкции российской государственности.

Библиографический список

1. Бакунин, М. Государственность и анархия. Введение. Часть I / М. Бакунин. – Цюрих, 1873. – 308 с.
2. Боков, Г.Е. Основы российской государственности. Часть I : учебно-методическое пособие / Г.Е. Боков, А.И. Иваненко; отв. ред. С.А. Козлов. – СПб.: ВШТЭ СПбГУПТД, 2024. – 86 с.
3. Бурдые, П. О государстве : курс лекций в Коллеж де Франс (1989-1992) / П. Бурдые; ред.-сост. П. Шампань, Р. Ленуар, Ф. Пуло, М.-К. Ривьер; пер. с фр. Д. Кралечкина и И. Кушнаревой. – М.: Дело, 2016. – 720 с.
4. Гоббс, Т. Сочинения в 2 т. Т. 2 / Т. Гоббс ; сост., ред., авт. примеч. В.В. Соколов ; пер. с лат. и англ. – М.: Мысль, 1991. – 731 с.
5. Гуледани, И.Н. Понятие государственности в российской юридической науке / И.Н. Гуледани // Вестник Московского университета МВД России. – 2008. – N 10. – С. 20-23.
6. Ильин, И.А. Теория права и государства / И.А. Ильин. – М.: Издательство «ЗЕРЦАЛО», 2003. – 400 с.
7. Кокошкин, Ф.Ф. Лекции по общему государственному праву / Ф.Ф. Кокошкин. – М., 1912. – 306 с.
8. Коркунов, Н.М. Указ и закон / Н.М. Коркунов. – СПб., 1894. – 408 с.
9. Лексин, И.В. Государство и (или) эволюция: проблемы юридических рассуждений о понятиях, происхождении и развитии государств (часть первая) / И.В. Лексин // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). – 2024. – N 4. – С. 206-227.
10. Меркель, А. Юридическая энциклопедия / А. Меркель ; пер. Ф.К. Зейделя ; под ред. В.М. Грибовского. – СПб., 1902. – 256 с.
11. Основы российской государственности : учебно-методический комплекс по дисциплине для образовательных организаций высшего образования / В.М. Марасанова, В.Э. Багдасарян, Ю.Ю. Иерусалимский [и др.]. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2023. – 272 с.
12. Основы российской государственности : практические рекомендации по курсу для образовательных организаций высшего образования / авт.-сост. В.М. Марасанова ; под ред. проф. И.А. Кузнецовой. – Ярославль: ОмЦ ЯрГУ им. П.Г. Демидова, 2023. – 40 с.
13. Основы российской государственности : учебное пособие / В.А. Кузнецов, А.В. Богомолова, С.Ю. Митрофанова [и др.] ; под ред. В.А. Кузнецова. – Самара: Издательство Самарского университета, 2024. – 256 с.
14. Основы российской государственности: учебное пособие для студентов естественно-научных и инженерно-технических специальностей / рук. проекта А.А. Ларионов ; науч. ред. П.Ю. Уваров ; ред. О.А. Чагадаева. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2023. – 432 с.
15. Основы российской государственности: учебное пособие для студентов, изучающих социогуманитарные науки / Т.В. Евгеньева, И.И. Кузнецов, С.В. Перевезенцев [и др.]; под ред. С.В. Перевезенцева. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2023. – 550 с.
16. Правкина, И.Н. Понятие «государственность» в современной теории государства / И.Н. Правкина // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2024. – N 3. – С. 32-36.
17. Романников, О.Д. Основы российской государственности : учебно-методическое пособие для обучающихся всех форм и направлений подготовки / О.Д. Романников, Л.И. Скрыбина. – Новосибирск: НГАСУ (Сибстрин), 2024. – 124 с.
18. Русское государственное право. Конспект лекций ординарного профессора Московского университета А.С. Алексева. – М., 1892. – 474 с.
19. Сафронова, Е.В. «Государство» и «государственность»: проблема терминологического соотношения и определения / Е.В. Сафронова, С.В. Карсканова // История государства и права. – 2014. – N 22. – С. 42-47.

20. Свешников, М.И. Очерк общей теории государственного права / М.И. Свешников. – СПб., 1896. – 312 с.
21. Сергеев, А.Л. Российская государственность и конституционно-правовое регулирование: соотношение понятий / А.Л. Сергеев // *Lex Russica*. – 2016. – N 3 (112). – С. 135-146.
22. Смыкалин, А.С. Проблемы российской государственности в юридической и исторической науках: понятия, подходы, периодизация / А.С. Смыкалин // *Российский юридический журнал*. – 2013. – N 1 (88). – С. 12-15.
23. Тарановский, Ф.В. Учебник энциклопедии права / Ф.В. Тарановский – Юрьев, 1917. – 536 с.
24. Фуко, М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977-1978 учебном году / М. Фуко; пер. с фр. В.Ю. Быстрова, Н.В. Сулова, А.В. Шестакова. – СПб.: Наука, 2011. – 544 с.
25. Харичев, А.Д. Основы российской государственности : учебное пособие / А.Д. Харичев, А.В. Полосин, А.В. Селезнева. – М.: РАНХиГС, 2024. – 448 с.
26. Шабуров, А.С. Российское государство и российская государственность: проблемы соотношения и историческое развитие / А.С. Шабуров // *Российский юридический журнал*. – 2013. – N 1. – С. 9-11.
27. Энциклопедия государства и права / под ред. П. Стучка. Т. I. – М., 1925-26. – 1240 с.
28. Ясаи, Э. де. Государство / Э. де Ясаи ; пер. с англ. Г. Покатовича ; под ред. Ю. Кузнецова. – М.: ИРИСЭН, 2008. – 410 с.
29. Creveld, M. van. *The Rise and Decline of the State* / M. van Creveld. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 439 p.
30. Strayer, J.R. *On the Medieval Origins of the Modern State* / J.R. Strayer. – Princeton: Princeton University Press, 1970. – 114 p.